

ЗЕМЛЯ

От высокого берега
Голубой Неручи
Километров на пять
До самого горизонта -
Распаханное поле.
Оно такое иссиня-чёрное,
Что грачи, важно идущие
За плугом,
Издали кажутся
Большими светлыми картофелинами,
Омытыми утренним дождём.
На краю поля у свежей межи,
Взглядом провожая трактор,
Стоит глубокий старик
С десятилетним внуком.
На груди старика покоится
Седая, как будто из дыма,
Огромная борода,
А у внука -
Горят-разгораются
Два ярких язычка пламени -
Красный галстук.
- Земля, -
Задумчиво произносит старик,
Разминая сухими
Морщинистыми пальцами
Чёрный комок
С прожилками прошлогодних растений.
- Земля, -
Весело отвечает внук,
И ярче вспыхивают
Язычки красного галстука,
Тронутые вышедшим из-за облака
Солнцем.
Земля!

ТОВАРИЦ СОЛНЦЕ

Почему надо мной, над тобой,
Над полями-лугами, над чащей лесною
Небосвод голубой
И становится Солнце
всё ближе, всё ярче весною?
На земной на широкой груди
Нужно сделать узоры из буйного света,
А поди, разгляди, если ты от Земли
Далеко в мироздании где-то.
Солнце ближе и всё горячеей
Тянет нити-лучи перевитою пряжей,
И из нитей-лучей
Ткёт оно лепестки и соцветия звёздные вяжет.
В завязь их не спеша обернёт,
И плоды наливать будет силой земною
До поры, пока плод
Станет маленьким солнцем,
обрызганным тёплой росой.
Колос каждый из нитей сплетён.
Капля Солнца - зерно - даже в малой ячейке.
И в ручей мой и в Дон
Свет струится потоком
из вечной из солнечной лейки.
Назло грому, что взрыл небосвод
И за Дон укатился в дыхании тяжком,
Там, где луч упадёт,
Васильки улыбнутся в ручье отражённым ромашкам.
Наше Солнце добреет весной,
Приближается к людям с теплом и приветом.
Над тобой, надо мной
Наклоняется, глядя в глаза, наполняя их светом.

Чтоб, когда разразится гроза
Или в памятный час неуёмной печали,
Эти наши глаза
Излучали бы свет и, как Солнце, тепло излучали.

* * *

Под глухим пещерным сводом крова,
Верю, самым первым это слово
Произнёс когда-то человек.
Маленькое слово, но вместило
Всё оно - от капли до светила,
Всё - от первозданья и вовек.
Это слово с самого начала
Никогда набатом не звучало,
Но, простое, тихое, оно
Наполняет душу силой свежей,
Ветром с гор, простором побережий,
Солнцем, что для жизни рождено.
Громко мы его не произносим,
Мы его с рожденья в сердце носим,
Нам к нему любви не занимать.
Мы в святых не верим, но святое
Это слово, тихое, простое,
Это слово солнечное -
Мать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Смотрит в окно одиноко седая ракета,
Шепчется с клёном осина в саду у плетня.
Часто мне кажется: имя моё позабыто,
Маленькой мамою все называют меня.
Спи, мой сыночек, пусть сон тебе светлый приснится,
Спи, я тебя покачаю и тихую песню спою.
Некому, кроме меня, над тобою склониться,
Некому к сердцу прижать тебя... Баю-баю.
Вырастешь, девушку встретишь. Обычное имя
Станешь, волнуясь, шептать-называть не дыша.
Будет и сын у тебя с голубыми глазами твоими,
Только, сыночек, прошу - не бросай малыша.
Ах ты, ракета, давно ли была ты зелёной?
Нынче седая-седая... Кого же ругать и винить?
Спи, бессловесный, ещё ни в кого не влюблённый,
Спи, не успевший ещё никому изменить.

* * *

Как растила своих сыновей она,
Лишь одной ей известно сейчас:
Заболит ли сын, Тимофеевна
Не смыкает до полночи глаз;
Убежит ли другой за околицу,
По грибы в крутояр убежит,
А она целый день беспокоится,
Встретить сына под вечер спешит.
Всё, что добыто, что заработано,
Отдавала им в трудные дни.
Недоспит, недоест, недопьёт она, -
Только б сытыми были они.
Сколько трудностей, горечи встретила,
Но гордилась, что дети растут.
Вот и время пришло - не заметила -
Сыновей провожать в институт.
...Дыма облачко ветром рассеяно.
Скрылся поезд за дальним леском.
Вслед глядела ему Тимофеевна
И глаза вытирала платком.
- До свиданья! - шептала, и где-то ей
Паровозный гудок отвечал.
В дали, синюю дымкой одетые,
Сыновей её поезд умчал.

Всё им мать отдала и отправила,
Всё, что лучшее в детях, - её.
А себе только сердце оставила,
Материнское сердце своё.

ЯБЛОНЯ

Пусть немножко ёжится от холода
И грустит, что целый день одна,
Всё равно сегодня очень молодо,
Очень бодро выглядит она.
День морозный. Небо тёмно-синее.
Я стою, влюблённый, перед ней.
На ветвях такие шапки инея,
Что не видно и самих ветвей.
Радуюсь такому дню погожему,
Я хотел бы забежать вперёд,
Повторяя каждому прохожему: -
Посмотрите, яблоня цветёт!

* * *

Над костром куковала кукушка в лесу,
Но давно от дождя захлебнулся костёр.
И, с поленьев в золу отряхая росу,
Вечер крылья заката над ним распростёр.
Вечер крылья заката над ним распростёр
Во всю ширь колдовскую, во все небеса,
Только, видно, не дождь и совсем не роса,
А кукушкины слёзы залили костёр.

СЕРДЦЕВИНА

...И снова детство.
Обогнёшь трясину -
И вот он, лес, обнявший крутосклон.
Войдёшь и встретишь старую осину.
Мы к ней ходили, словно на поклон.
Такой осины в свете не отыщешь:
Ствол без сучка,
На редкость толст и прям.
Чтоб обхватить его у корневища,
Трёх пар ручонок
Не хватало нам.
Она приклеена вершиной к небу,
Мы думали, стоять ей тыщи лет.
Не раз жалел я:
Повзрослее не был,
А то б с неё увидел целый свет.
Я б даже небо мог с неё потрогать,
Звезду достать
И положить в картуз.
- Эх, Монтигомо Ястребиный Коготь, -
Шутил лесник, "покручивая ус.
Под ней сидел не раз на рыжем пне я.
Здесь сыро даже в солнечные дни.
А всё, что вверх тянулось
Рядом с нею,
Без света чахло в сумерках, в тени.
Таким и смерти нет. Но вот осина
Лежит, переломившись пополам. Лесник сказал:
- Гнилая сердцевина,
И дерево - не дерево, а хлам.
В его сторожке мы сидим у печи.
- Вот сердцевина, - продолжает он, -
А без неё живут до первой встречи
С хорошим ветром. Уж такой закон.

* * *

В. Солоухину

- Как выпить солнце? - ты спросил.
Смотри, я солнце пью,

И потому - достаток сил,
И потому - пою.
- Как выпить солнце? - ты спросил.
Смотри, я солнце пью,
И свет, что ярк и красив,
Наполнил жизнь мою.
Где б ни был я - и там и тут,
В моем родном краю,
Как воду пригоршнями пьют,
Я жадно солнце пью.
Повсюду в разные часы
Природе вопреки
Я пью из капельки росы
И из большой реки.
Пройду ли я над бездной круч,
Шагну ль через межу,
В скопленье самых чёрных туч
Я солнце нахожу.
Струится свет от рыжих кос,
От головы седой,
От камня даже, что оброс
Зелёной бородой.
Домой под вечер торопясь,
Шагая по полям,
Люблю месить крутую грязь,
Что с солнцем пополам.
Чтоб свет в душе моей не гас,
Как на исходе дня,
Я солнце пью из добрых глаз,
Что смотрят на меня.

* * *

Лишь напомнят о близкой осени
Улетающие журавли,
Смотришь - клёны одежду сбросили,
Травы буйные полегли.
Вся природа спешит, торопкая,
Декабрю передать права.
Но взгляни - на снегу, за тропкою,
Голубеет "рыскун-трава".
Чем всё глубже зима, тем пуще я
Быть люблю на тропе лесной,
Где трава, на снегу цветущая,
Дышит молодостью и весной.

ПОЭЗИЯ

Здоровое сердце
Не слышно, как бьётся,
Оно не стучит
Кулаком своим в грудь,
Мол, вот я какое,
Мол, мне достаётся,
Мол, ты про меня никогда не забудь.
Здоровое сердце
Без крика и грома
Беззвучно стучит,
Не хвалясь, не грозя.
Спокойно,
Как будто бы нет его дома,
Как будто бы нет,
А без сердца - нельзя.
Здоровое сердце
Скромнее и строже,
Без усталости бьётся,
Не смея устать.
Поэзия!
Спутница жизни,
Ты тоже
Должна быть

Здоровому сердцу под стать.

* * *

В. Фирсову

Как лодки просмолённые бока,
Черным-черна спина у рыбака.
А на руках сплетенья крепких жил,
Как тот канат, что в лодку он сложил.
А если на морщины посмотреть,
Они - как нераспутанная сеть.
Его глаза видны издалека,
Как два живых и добрых маяка.
Характер - то как пенистый прибой,
То вдруг ровнее глади голубой.
Сравнить лишь не с чем душу рыбака, -
Так широка она, так глубока.

* * *

Не слышит мостик топота копыт,
Засыпан снегом, всеми позабыт.
Тропинка в лес через него вела -
Не обойтись весной без двух досок, -
Но вот замёрз ручей, и пролегла
Она правей, по льду наискосок.
А мостик молча ждёт весну, не спит, -
Соскучился по топоту копыт.

ГРОЗА

Уснул ребёнок в маленькой кроватке,
Уснула мать, едва смежив глаза.
А за стеной ворочаясь, гроза
Ревела так, что были стены шатки.
А ливень, чтоб найти себе причал -
В дороге долгой до костей промок он, -
Наверно, битый час по стёклам окон
Простуженными пальцами стучал.
Опережая колесницу грома,
Влетела в окна молния из мглы
И, вмиг обшарив спящие углы,
Спешила снова вырваться из дома.
В трубу забившись из последних сил
И в саже перемазавшись, наверно,
Безмерно злой, расстроенный безмерно,
Тревожный ветер жалобно скулил.
Куда-то в лапах дом несла гроза,
У спящих не жалея перепонки.
...Пошевелил ручонкою ребёнок,
И мать открыла добрые глаза.

РУССКАЯ ЗИМА

(Фрагменты)

I

Сугробы. Вьюга. Вздохи ветра броского.
Дорога то полого, то крута.
А я лечу, спешу домой из Дроскова
В родной колхоз
"Заветная мечта".
По ветру растрепав седые волосы,
Одев бока былинного холма,
Со мною говорит охрипшим голосом
Бушующая
Русская Зима.
Ей в этот час
Молчать никак не хочется,
Когда простор со всех сторон открыт.
Весёлое припомнит -
Расхохочется,
А горькое -
По-бабьи - в плач, навзрыд...

II

Над яром орлиным
За речку глянь -
Ни тропки протоптанной, ни следа:
Лесная сосновая глухомань
Густа, как прашурова борода.
Стоит он, а грудь, как сугроб, гола,
Как дуб в декабре, голова красна.
У ног отдыхают
Топор, пила.
А рядом стоит у сосны
Жена:
- Блуждать по лесам до каких же пор?
Сугробы по пояс -
Куда ни кинь.
По обух всадил он в сосну топор
И крякнул:
- Останемся тут. Аминь!
В котлах задымились похлёбка и щи,
И розовеют поджаренные караси.
Помещик, оброчных
Ищи-свищи, -
Снега глубоки на святой Руси.
А годы ползли.
И уже обросла
Постройками выстроенная изба.
И стала с тех пор для людей села
Зима - и любовь и своя судьба.
И если уж свадьба -
Справляй зимой,
Когда голубая метель лиха,
Чтоб тропкой с бубенчиками под дугой
Промчат невесту и жениха.

III

Через сугробы и холмы
Несётся птица-тройка -Ух! -
Да так, что у самой Зимы
Захватывает в горле дух.
Ах, ветер-тройка,
Не тебе ль
Тягаться в этот праздник с ней?!
Лисою загнанной
Метель
Отстала, не догнав коней.
Леса-бородачи глядят,
Взойдя повыше на холмы:
Чей лучше свадебный наряд -
Крылатой тройки
Иль Зимы?
Езды потише не проси
Ни молодайка, ни жених.
Снегов -
Сугробы на Руси, -
Пусть столько радости у них.

IV

То ли волки воют в яру,
То ли ветер гудит в трубе.
Встанет завтра семья поутру -
Хлеба нет
Ни мне, ни тебе.
Снова -
Проклят будь недород! -
Хоть, как в гроб, ложись
В закрома.
И другою Зима встаёт -
Тощей клячей встаёт Зима.
Кляча тащится на погост
Там, где тройка неслась не раз.
И - как в небе

Холодных звёзд,
В каждом доме -
Голодных глаз.
И берёт от Зимы тоска:
Ах, скорее хотя б апрель.
И вчерашнего рысака
Обгоняет сто раз
Метель.

V

От своих и любовь и скандал прими,
Но послышится голос ворога -
И встаёт Зима
Заодно с людьми,
Почернев от огня и пороха.
Русь вовеки веков не предаст Зима,
Каблуками, картечью изранена.
И зовёт в снега и ведёт сама
К смерти ляхов
Тропой Сусанина.
А вокруг - леса, вьюги вой, пурга, -
Вроде поля губящего, ратного, -
То гудит Зима:
- Я впущу врага,
Только нету пути обратного.
Чтоб не смолк, не затих
Напев ямщика,
Удалого, седого от инея,
Чтобы солнце, румяное, как щека,
Не покинуло небо синее;
Чтобы тройка неслась по снегам Руси
Целиною морозной хрусткою,
В лёд, Зима, обращай их сердца,
Коси, -
Знайте, недруги,
Зиму русскую.

VI

И у реки у Березины,
Крутосугробая, жгуче-ярая,
В разгар Отечественной войны
Она вставала
Студёной карою.
В кольцо сжимала со всех сторон,
Метельно-острая, морозно-лютая,
И, ёжась, горбился
Наполеон,
Орлиный нос в одеяло кутая.
И ей на помощь спешил солдат,
Спешил крестьянин тропою узкою.
То вилы в бок,
То густой заряд, -
За Русь святую,
За Зиму русскую...
Она рождала мороз-металл,
Пургой обжигала с такою силою,
Что для французов навеки стал
Сугроб её каждый
Лихой могилою.

VII

И опять на Руси
До бровей засыпает дома.
Подойди и спроси:
- Почему ты смеёшься, Зима?
И ответит: - Смеюсь,
Весела, мне легко потому,
Что свободная Русь
Благодарна огню моему;
Что вернулся жених,
Что с женою встречается муж
И что будет у них

Скоро первенец в доме к тому ж.
Ах, весёлый малыш,
Светлый, чистый, как первый мой снег,
Песней санок и лыж
В жизнь возьмёт он крылатый разбег.
И пойдёт через мрак
Под счастливой звездой - на свет,
Музыкант ли, батрак
Или, может, великий поэт.

VIII

Леса над заснеженною рекою
Лежат, как траурная кайма.
Что с тобою случилось, Зима,
Такое -
Почему ты грустна, Зима?
И ответит, вздыхая седой пургою,
Засыпая санный корявый след:
- Не звон колокольчика под дугою, -
Ты слышишь,
Как щёлкает пистолет?
Притихнув, ждала я хотя б осечки
Иль раны лёгкой в его плечо, -
Снегам моим синим
На Чёрной речке
От крови певца моего
Горячо.
Метель моя, плача, в горе клубится,
Я видела, люди, как, злобой горя,
В поэтово сердце
Пулю убийцы
Послала рука самого царя.

IX

Зима то завьюженная, то ясная,
Всегда сурова и широка,
Она сегодня такая Красная,
Наверно, впервые за все века.
Снега озаряя над барской крышею,
Ночами взлетает
Красный петух.
И смотрит на буйное пламя рыжее
Смеющийся
Красный батрак-пастух.
Не тройка,
Что встречного, вздрогнув, сторонится,
Не лошадь, чья вязнет в снегу нога, -
Под красным полотнищем
Красная конница
Копытит залитые кровью снега.
И дед мой с винтовкой шагает -
Весёлый шаг! -
На помощь Советам спешит отряд.
И красные ленты
Горят на околышах,
И, полные света, глаза горят.
Российской пургою
Планета вспенена,
Метели в России во всех концах.
И солнечно-гордое
Имя Ленина
Горит-полыхает в простых сердцах.
На знамя распластанное похожая,
Встаёт над снегами с утра заря.
И рада Зима, молодая, погожая, -
Впервые она Без господ и царя.

X

И снова её снега,
Как раны, черным-черны.
Вовек не забыть врага
И Отечественной войны.

Суровый, калёный год
Не знает, что значит смех.
И Зоя босой идёт
На казнь,
Утопая в снег.
Пылающие дома,
Расплавленная пурга.
И мстительницей Зима
Встречает опять врага.
Москва или Сталинград -
У разных дорог и троп
Солдаты его лежат,
Уткнувшись лицом в сугроб.
Метель замечает след
Успевших назад уйти.
Зима, -
Им на тыщу лет
Заказаны нами пути.
В твои снега, Зима...
XI
Сугробы. Вьюга. Вздохи ветра броского.
Дорога то полого, то крута.
А я лечу, спешу домой из Дроскова
В родной колхоз
"Заветная мечта".
В зазубринах, холстом дорога стелется,
Сугробами иссеченная вся.
И крылья
Нагоняющей метелицы
Становятся моими, унося.
Живую душу встретить бы не к стати ли?
А вот и конь навстречу.
И всерьёз
Открылся мне в колхозном председателе
Царь Берендей, а может - Дед Мороз.
Зима! Зима... Моё сердцебиение
Ты слышишь ли сквозь гулкий вьюжный вой?
На песню жаворонка в дни весенние
Я не сменяю
Этот голос твой.
Снега! Снега!..
Поля необозримые
Полным-полны, как хлебом закрома.
Живи, бушуй, храни в полях озимые
На мирных землях,
Русская Зима.

ПОЭМА ГОДА

ЗАПЕВ

Если спросите - откуда

Эти сказки и легенды...

Г. Лонгфелло

Эти песни подслушал я весной у разлива,
У ручьёв, что сбегают с косогулов России.
Эти песни открыла мне весенняя ива,
Та, что в паводок вешний моет ноги босые.
Тихо, шёпотом в поле мне их пела пшеница,
Нежный голос колосьев мне понятен и дорог.
Вместе с песнями в сердце навсегда сохранится
Этот ласковый шелест, этот песенный шорох.
Журавли пролетают над моей стороною,
И в курлыканье грустном эти песни я слышу.
Я прошу, покругитесь, журавли, надо мною.
Чтоб я песню дослушал, опуститесь на крышу.
Но они улетели, до весны улетели.
Только песни остались, улетать не желая.
И поют их по-русски днём и ночью метели
Над просторами края, над просторами края.
Не о море безбрежном, что далёко

От дома,
Не о горной дороге, что мне мало знакома, -
Эти песни о поле, о зелёном покосе,
Где мне столько обувки износить довелось.

МАРТ

Утро нового года - время первой капли,
Время первых проталин на спине крутояра.
Золотые овсянки в краснотале запели:
Им весна подарила солнце - лучший подарок.
Плечи сосен и елей, на которых лежали
Комья снега, как дети, что завернуты в шали,
Ноши вниз опустили, чтоб на снежном настиле
Комья снежные легче и спокойней дышали.
Встав на цыпочки, робко кверху голову тянет,
Словно капельку солнца, тонконогий подснежник.
Он от снега не мёрзнет, он от солнца не вянет,
С виду хрупкий и нежный, - не из хрупких и нежных.
Солнце шурится в лужах от грачиного грая.
Одеваются вербы, раздеваются люди.
Дым в овраге клубится - полынья на запруде
Курит в синее небо, клубы дыма пуская.
Снег, морщинистый, старый, почерневший от злобы,
От проталин подальше жмётся в ямы, в лощины,
Где его повстречают голубые сугробы,
А метели разглядят, разутюжат морщины.
Полусонный, вздыхая, что-то шепчет орешник.
Тронь его - и откроет он глаза своих почек.
И, наверно, от солнца, от лучей его вешних
Захочет орешник, как малыш захочет.
Не вчера ли поляна мне казалась страницей
Из тетрадки сестрёнки (цифры, крестики, строчки),
Всё весна зачеркнула в этот день краснолицый
И зелёною тушью расписалась на кочке.

АПРЕЛЬ

Я ручей мой давно ли перепрыгивал просто,
А сейчас удивляюсь быстроте его роста:
Этой ночью недолгой стал он бурною Волгой,
Где торчит только челюсть утонувшего моста.
Глаз своих от разлива отвести не могу я.
Уплывают, толкаясь, вереницею льдины.
Почерневшая глыба обгоняет другую,
Напирая друг другу на бока и на спины.
Неприятно им видеть, что весна завязала
Столько бантиков крепких на ракушечных косах;
Что стоит и смеётся посреди первотала
Старый ясень без шапки и не требует посох.
Неприятно им слышать, как звенит колокольчик,
Что за солнечный лучик над разливом подвешен;
Как вода на пригорках балагурит, клокочет;
Как идёт новоселье у хозяев скворешен.
Гости, милые гости, прилетевшие с юга,
Где не знают, что значит снег, мороз или вьюга,
Там, наверно, красивей и теплей, чем в России,
Только нет там России - несказанного друга.
Над крикливым потоком на кургане высоком
Хорошеет береза, наливается соком,
Наливается солнцем край родимый навеки,
Наливается светом и душа в человеке.
Вслед за шумными днями, за седым водолеем
Подымаются травы, распускаются почки.
Как бы ни было трудно, всё апрель одолеет,
Ведь родился недаром он в зелёной сорочке.

МАЙ

Простучали над лугом дождевые копытца
И умчались, теряясь среди вешнего гула...
Ненасытное небо, чтобы вволю напиться,
Хобот радуги в реку через лес протянуло.

Ну и радуга! Сколько красоты в ней и стати!
Вся земля отразилась в ней сейчас на закате -
С луговыми цветами и с твоими глазами,
И с твоею косынкою, девочка Катя.
В белом платье нарядном шла черёмуха лугом,
Мокрым лугом, подол свой до колен поднимая.
Видит - радуга. "Здравствуй!"
Встали друг перед другом -
Кто красивей? Известно только юному маю.
Он глядел на них грустно голубыми глазами,
Приказав, чтоб звенело соловьиное пенье,
Чтобы лес, где осины тихо шепчутся, замер,
Чтобы плакали травы в этот час от волненья.
Две красавицы гордо друг на друга смотрели,
Две красавицы слушали лестные трели.
Только маю влюблённому было не ясно:
Кто верней, если каждая очень прекрасна.
Что ж ты, радуга, скрылась?..
Изменила ты маю.
Завтра в реках июня будешь пить равнодушно.
Эх, черёмуха, солнцем я тебя обнимаю,
Обниму тебя ветром, если скажешь мне: душно.
Всё твоё в этом мире - соловьиные зори,
Тополиная вьюга, что утрами клубится.
Прикажи - и на каждом на цветочном узоре
Застучат золотые дождевые копытца.

ИЮНЬ

Здравствуй, лето цветастое, полное света!
Ты согрето не солнцем, ты любовью согрето,
Самой нежной любовью, как у девочки Кати,
Что в лугах пропадает, не тоскуя о хате.
Что же горлица плачет в эту светлую пору?
Всё равно не дожидаться ей от неба слезинки.
Очень медленно солнце поднимается в гору
По невидимой глазу, по отвесной тропинке.
Ой ты, русское поле! Рожь цветёт, колосится,
Смотрит девочкой юной, заплетающей косы.
До чего ж перепёлка в эти дни голосиста, -
Всё бы звать ей кого-то в медоносные росы...
Сколько в каждой травинке детской нежности, ласки.
Не вздохнёшь ли, заметив, как анютины глазки,
На глазах иван-чая, головою качая,
Голубеют, смеются наяву, а не в сказке.
Им смешно, непонятно, как же спит в эту пору
На ладони у света беззаботная дрёма
И не слышит далёкой пьяной ругани грома,
И не видит, как солнце поднимается в гору.
Я от первой кровинки до последней кровинки
Связан с полем и с лугом, связан с песней колодца,
Потому что в травинке, в самой малой травинке
Бьётся сильное сердце, сердце русское бьётся.

ИЮЛЬ

Стынь-росою умыло утро нежно подсолнух,
Солнцу б высушить надо, но ещё не успело.
Он плывёт огородом на картофельных волнах.
Догорают росинки на щеке загорелой.
Улыбается утро. Только изредка косо
Глянет тучка на землю, летний дождь карауля.
Ветер, спавший до зорьки на душистых покосах,
Пахнет спелой травой, разноцветьем июля.
Сколько глаз беспокойных у нарядного луга,
Эти весело смотрят, те грустны от испуга:
Вышли косы навстречу, вышли целым отрядом.
И ложится ромашка с колокольчиком рядом.
Там стрекочет косилка, тут кузнечик стрекочет.
Быть он громче косилки обязательно хочет.
А ручей всё смеётся, говорливый и зыбкий:

В нём рыбёшка щекочет детям красные цыпки.
День пройдёт. И положит солнце свой подбородок
На подушку кургана (ох, как за день устало!),
И, краснея, простится с загрустившей природой.
Здравствуй, ночь, моя сказка - ночь Ивана Купалы!
Звёзды - это не звёзды: мудрый сказочник древний
Луговыми цветами выстлал синее небо;
Месяц - это не месяц: на глазах у деревни
Серп забыт не случайно перед жатвою хлеба.
Ах ты ночь, моя сказка - ночь Ивана Купалы!
О цветке этой ночи думал прадед нередко...
Если б дума о счастье явью прадеда стала,
Всё равно б я сегодня был счастливее предка.

АВГУСТ

Журавель тонкошей - беспокойная птица -
Головою кивает целый день над колодцем.
Опускается к срубу, чтобы вдоволь напиться.
По бадье выпивает, но никак не напьётся.
Жарко. Ива-девчонка, наклонясь над водою,
Бредит паводком вешним, пряди светлые мочит.
Жарко. С клювом открытым над крапивою глухою,
Гребешком полыхая, дремлет с курами кочет.
Огурцы притомились в листьях вялых и сонных.
Дыня выползла к тыну, созревает и крепнет.
А над ними, как сторож, загорелый подсолнух,
Щурясь, смотрит на солнце, не боясь, что ослепнет.
Солнце льётся на землю, превращаясь в пшеницу,
На сады расплескалось, обернувшись плодами,
Раскалило калину (ветер дунь — загорится),
Золотарник одело в жёлто-рыжее пламя.
А когда перекличкой журавлиные стаи
Журавля над колодцем позовут вечерами,
Вслед посмотрит он грустно, головою кивая,
И не сможет расстаться с нашим краем и с нами.

СЕНТЯБРЬ

Ой, плывёт-уплывает золотой паутиной
Бабье лето спокойное с песней утиной.
Перелётные птицы... Нелегко им проститься
С милой сердцу природой, с нашей русской картиной.
Над осотовым полем, над ромашковым лугом
Стынет облачный парус в небесах васильковых.
Как подковы сверкают, ручейки по яругам.
Осень, лошадь гнедая, отразилась в подковах.
Отразилась и смотрит, уходить не желая.
Только б белая лошадь задержалась в дороге.
Говорят, что недавно, ветробуйная, злая,
На заре эта лошадь мыла инеем ноги.
Каждый день мне из школы попадают дети,
В эти клёны влюблённые, в пажити эти,
В синь реки говорливой, в зелень маленьких сосен.
И влетаются галстуки в красную осень.
Грусть плывёт незаметно по воде и по суше,
Только грусть не вплетается в детские души:
Столько песен и шуток, столько шуток и смеха,
Что не в силах все звуки повторить даже эхо.
Вечер. Тянутся птицы. Тают, медленно тают
На крыле журавлином пятна тёплого света.
Над полями, курлыча, журавли пролетают
И уносят с собою песню бабьего лета.

ОКТЯБРЬ

Клёны красные куртки полоскают в запруде,
Мох лежит одеялом на вчерашнем покосе.
Раздеваются вербы, одеваются люди, -
Значит, осень в разгаре, значит, вот она, осень.
Сторона золотая, где пора листопада,
Хороши в чернолесье твои дни листобая.

Ветер - старый и умный сторож леса и сада, -
Подметая дорожки, нас проводит с тобою.
Сторона золотая, где под облачной крышей
Голубой колокольчик доцветает над яром,
Я люблю твою осень с этой вьюгою рыжей,
С охватившим всю землю ненасытным пожаром.
Потому-то, наверно, светит солнце слабее,
Что огонь разбросало на деревья и травы.
С веток вспыхнувших падают листья, робея,
Зажигая пригорки, засыпая канавы.
Столько листьев! Как будто в этот час на закате
Плечи облаку ветер ими густо оклеил,
Вплёл их в рыжие косы тихой девочки Кати,
Что, босая, проходит по горячей аллее.
Затуманится завтра ввысь манящая просинь,
И опавшие листья станут чёрными всюду.
Только тихую Катю, только буйную осень
Я в любое ненастье никогда не забуду.

НОЯБРЬ

Зори пахли садами, пахли спелым ранетом,
Оглашались закаты журавлиною грустью.
Уж ничто не напомнит мне сегодня об этом.
Льдинка хрустнет, и — слышу песню зимнюю в хрусте.
То серебряный дождик на дороге заплещет,
То умчится и в легком в белом платье вернётся.
На обочины ляжет, на излучины ляжет,
Полежит, беспокойный, и в ручьи обернётся.
И в саду моём дятел - врач притихшего сада -
Лёгким стуком у яблонь проверяет здоровье.
Льётся синим туманом над пригорком прохлады
И ложится покорно у его изголовья.
Ни цветка, ни листочка. Только гроздья калины
Красной брошью сверкают на груди луговины,
Да полынь у сарая, с ветровеем играя,
Убегает, согнувшись, за крутые овины.
Да за хатой, над логом, на кривом перекрёстке
Старый явор нагнулся, что-то шепчет берёзке.
Что-то шепчет берёзке, за плечо обнимая,
Как в недавнюю пору - пору Первого мая.
А над зданием школы, где рябина недавно
На ветру полоскала свои кисти-рубины,
На распластанных крыльях поднимается плавно
Флаг, вобравший все краски нашей старой рябины.
Любим мы эту пору. Говорим не напрасно:
Нет поры этой лучше, нет поры этой краше, -
Золотым продолженьем нашей осени красной
Стали красные флаги Революции нашей.

ДЕКАБРЬ

Уползла чернотропом запоздалая осень,
А зима уже манит проложить первопуть.
Редко смотрит на землю беззащитная просинь, -
Забирают всё небо злые тучи у суток.
Солнце стало ленивей: солнце поздно восходит.
Не успел обернуться, а оно уже село.
Только ветер, вздыхая, круглосуточно бродит, -
До всего ему дело, до всего ему дело.
Где под вешней светлыню пела песни когда-то,
А ночами купалась в небе с ветром берёза,
Поседела сегодня наша рыжая хата,
Поседела за утро, от пурги и мороза.
Были ясными окна, окна мутными стали,
Это бельмами стужа ей глаза заслонила,
Чтобы мы не вздыхали, чтобы мы не видали,
Как берёза, озябнув, жмётся к хате уныло,
Как щегол яркопёрый у сарая торопко
Расправляется, бойкий, с семенами крапивы,
Как зовёт в перелесок осторожная тропка,

Где бредут по сугробам, взявшись за руки, ивы.
Только знаем мы: часто видит сонная хата,
Как с ресниц её рыжих льются весело слёзы.
Плачет, плачет под солнцем целый день до заката,
С сединою прощаясь, на виду у берёзы.
В полудрёме, слепая, слышит часто, как бельма
Солнце-доктор снимает с глаз, чтоб снова смотрели.
А покуда над хатой только хохот метельный,
О котором мы с грустью вспоминаем в апреле.

ЯНВАРЬ

На тропинке у леса старика Берендея,
Где дремал до рассвета старый тополь, сидя,
Повстречались два года, повстречались сердечно,
Обнялись по-русски и расстались навечно.
Новый год, получивший в дар от старого года
Эту милую землю до последней снежинки,
Вышел в валенках, в шубе - не страшна непогода -
И, с хозяйством знакомясь, держит путь по тропинке.
Попрощался с морозом, поздоровался с вьюгой,
А спешащему ветру помахал рукавицей.
Полукруглою льдинкой из-за туч над округой
Смотрит робко, озябнув, край луны бледнолицей.
По колено берёза в снег глубокий увязла.
Жмётся - холодно в платьице белой Снегурке.
А буран всё плюётся жёсткой крупкой, как назло,
Всё равно не согласна с ним играть она в жмурки.
Снится девочке Кате в тёплой маминой хате,
Как несёт она валенки милой берёзе,
Как в пальто нарядила, чтоб надёжнее было
Спорить с ветром-бураном на январском морозе.
А наутро деревья тянут синие ветки
К солнцу в небо, а солнце радо б тоже погреться:
Мёрзнет, скучное, в тучах, как в невидимой клетке,
И часами мечтает: поскорее б раздеться.
Новый год удивился, в поле Катю встречая:
Не страшна ей нисколько и зима ледяная.
Засмеялась так громко, что притихла позёмка,
Что теплей стало солнцу, будто встретилось с маем.

ФЕВРАЛЬ

Языками шершавыми лижут метели
Спины белых сугробов, беззаботно уснувших.
А снежинки всё падают - так погустели,
Что темней стало небо, как лицо от веснушек.
Эх ты, лютедь угрюмый, всё б ворчал ты, старея,
Улыбался бы стуже да бездушным порошам.
Мы хотим тебя видеть молодым бокогреем,
Подружившимся с солнцем, нашим другом хорошим.
Только ветер хозяин в эту пору в округе.
Злобны, сумрачны лица этих дней непогожих.
Как голодные волки, рыщут по полю вьюги
И хватают за полы торопливых прохожих.
Рыщут по полю вьюги, все пути заметая,
Чтоб Весна не спешила к людям нашего края,
Чтоб по целой неделе в трубах ветры гудели,
В трубах ветры гудели, с едким дымом играя.
Но ничто ей не страшно - сквозь седые бураны,
Позади оставляя чужедальные страны,
Утопая в сугробах, к нам спешит она, чтобы
Залечить наши раны, наши зимние раны.
Веселей стало солнце, раздевается чаще;
Сквозь сугробы подснежник тянет пальцы-побеги.
Он сегодня мечтает о речушке журчащей,
Стает снег — затоскует о растаявшем снеге.
День, идущий с Весною, - ты прозрачен и ярок;
Пусть тебя не коснётся никакая невзгода.
Время первых проталин на спине крутояра,
Время первой капли - утро нового года.